

ЛИБЕРТАРНО-ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ВЛАДИКА НЕРСЕСЯНЦА И ЕЕ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ *

УДК 340.1

DOI: 10.52063/25792652-2025.2.25-11

ВАЛЕНТИНА ЛАПАЕВА

главный научный сотрудник сектора философии права,
истории и теории государства и права
Института государства и права Российской академии наук,
член редакционного совета журнала «Научный Арцах»,
доктор юридических наук,
г. Москва, Российская Федерация
lapaeva07@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7170-8610

В статье освещается одно из направлений современной российской философско-правовой мысли, которое представлено либертарно-юридической теорией, разработанной известным советским и российским правоведом академиком РАН В.С. Нерсесянцем (1938–2005). Показана история формирования этой теории в советский и постсоветский периоды развития России, когда ее автором была проанализирована на большом историческом материале идея различения права и закона и выдвинута концепция права как равной меры свободы индивидов, которая впоследствии была развита в либертарно-юридическую теорию. В основе данной теории лежит понимание права как явления, сущность которого составляет принцип формального равенства, представляющий собой триединство равной меры, свободы и справедливости.

Цель статьи – продемонстрировать теоретическую новизну, актуальность и практическую значимость данного подхода к пониманию права. Под этим углом зрения в статье освещаются этапы становления либертарно-юридического типа правопонимания в советский и постсоветский периоды истории России, раскрывается его вклад в развитие философско-правовой мысли и демонстрируется на конкретных примерах возможность применения данного подхода для оценки правового качества законодательства.

Автор поставил своей задачей показать отличие либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянца от подходов, разрабатываемых в рамках позитивистского и естественно-правового типов правопонимания, раскрыть значение данной теории для развития юридической догматики и продемонстрировать на конкретных примерах возможность ее применения для оценки правового качества законодательства. Для решения этих задач автор использовал историко-правовой и юридико-догматический методы анализа.

* Հոդվածը ներկայացվել է 08.05.2025թ., գրախոսվել՝ 04.08.2025թ., տպագրության ընդունվել՝ 30.09.2025թ.:

По итогам анализа сделан вывод о целесообразности разработки учебного курса по либертарно-юридической доктрине и догме права, внедрение которого в образовательный процесс способствовало бы более полному пониманию будущими юристами внутренней взаимосвязи между философско-правовым уровнем анализа и решением актуальных проблем правовой практики.

Ключевые слова: В.С. Нерсисянц, либертарно-юридическая теория, тип правопонимания, философско-правовая мысль, юридическая догматика, правовой закон, принцип формального равенства.

История формирования либертарно-юридической теории

Свою научную деятельность акад. РАН В.С. Нерсисянц начинал как специалист в области политико-правовых учений, глубокое знание которых позволило ему впоследствии разработать и обосновать собственное правовое учение, обозначенное автором как либертарно-юридическая теория. Первоначально В.С. Нерсисянц использовал термин «либертарная теория права», подчеркивая таким образом, что право включает в себя (онтологически, гносеологически и аксиологически) свободу. Однако позднее, желая более четко подчеркнуть то обстоятельство, что свобода людей в их общественной жизни связана только с правом (а не с моралью и религией) и возможна лишь в правовой форме¹, он добавил к этому термину прилагательное «юридический» (Нерсисянц 3-15).

Исходным пунктом в формировании либертарно-юридической теории (а впоследствии и основанного на ней либертарно-юридического типа правопонимания²) стала *концепция различения права и закона*, которая шла вразрез с официальной легистско-позитивистской³ доктриной правопонимания, отождествляющей право и закон (Нерсисянц 18-29; Четвернин 29). В основе этой доктрины лежало определение права, сформулированное в 1938 г. на Первом совещании по вопросам науки советского государства и права А.Я. Вышинским, который на тот момент был не только директором Института права АН СССР, но и Прокурором СССР. Под правом в предложенной им трактовке понималась «совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу»⁴ (Основные задачи науки советского права 37). Впоследствии акцент на классовом характере права постепенно ушел на задний план, и к середине 1970-х годов в научной и учебной литературе право обычно определяли как совокупность норм, установленных или санкционированных

¹ «Какой-либо другой формы бытия и выражения свободы в общественной жизни людей, кроме правовой, - писал В.С. Нерсисянц, - человечество до сих пор не изобрело».

² Кстати, понятие «тип правопонимания» впервые было введено в научный оборот именно В.С. Нерсисянцем в работе «Из истории правовых учений: два типа правопонимания», опубликованной в сборнике статей «Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания».

³ Данное направление правопонимания обычно обозначается как «юридический позитивизм», что представляется неверным, поскольку, слово «юридический» в переводе с латыни означает «право» (iūs), а позитивисты, отождествляющие право и закон, используют данное слово только в смысле «lex», т.е. «закон». Следовательно, «это позитивизм не юридический, а легистский, законнический».

государством, соблюдение которых обеспечивается мерами государственного принуждения. Однако это не меняло теоретическую суть данного определения, так как речь по-прежнему шла о выраженной в законе воле государства, которая содержательно была ничем не ограничена.

В середине 1950-х годов, т.е. почти сразу же после смерти Сталина, некоторые теоретики права вынесли на обсуждение идею так называемого «широкого» понимания права, включающего в понятие права, помимо норм, также правоотношения, правосознание и правовую идеологию. И хотя предложенный ими подход не выходил за рамки отождествления права и закона, поскольку и правоотношение, и правосознание рассматривались как производные от закона формы права, тем не менее это была первая (и уже поэтому очень важная) попытка расширить жесткие рамки официальной доктрины. Следующий принципиальный шаг в развитии советского правопонимания был сделан в самую глухую пору так называемого периода застоя – в середине 70-х годов, когда В.С. Нерсисянцем была выдвинута *идея различения права и закона* (Керимова 33-45). Эта идея была обоснована им с опорой на давнюю традицию философско-правовой мысли, а главное - на ее основе уже тогда была в общих чертах разработана принципиально новая теория права, позднее названная автором либертарной. Философско-правовую основу этой теории составляет выдвинутая В.С. Нерсисянцем идея о том, что право – это социальное явление нормативного характера, которое обладает собственной сущностью. Таким сущностным признаком правовой нормы (т.е. признаком, присущим только праву и отсутствующим в любом явлении неправового характера) является соответствие нормы принципу формального равенства, выраженному через «единство трех подразумевающих друг друга сущностных свойств (характеристик) права – всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости» (Нерсисянц, Философия права: либертарно-юридическая 4).

В.С. Нерсисянц впервые озвучил свою концепцию в рамках широкой научной дискуссии на состоявшемся в 1979 г. Круглом столе «О понимании советского права», организованном журналом «Советское государство и право». В своем выступлении на этом мероприятии, ставшим важной вехой в развитии советской теории права, он ввел в научный дискурс принципиальные для его подхода тезисы о «взаимосоответствии свободы, права и закона», о праве как «форме, норме и мере свободы», о том, что «право обозначает сферу, границы и структуру свободы», о роли закона как формы выражения меры свободы и т. д (Нерсисянц, Выступление на «Круглом столе» 70-71). Однако лишь в 1983 г., после публикации монографии «Право и закон», в которой убедительно раскрыта и проанализирована богатая философско-правовая традиция различения права и закона в истории философско-правовой мысли, В.С. Нерсисянцу удалось опубликовать в журнале «Советское государство и право» статью «Право: многообразие определений и единство понятия» (Нерсисянц, Право: многообразие определений и единство понятия 26-35). В перестроечный и постсоветский периоды в развитии страны он дал развернутое философско-правовое обоснование своего подхода к праву. Предложенная им либертарно-юридическая теория и соответствующий тип правопонимания, выросшие на базе осмысления мировой философии права и советского опыта бесправия, основаны на трактовке сущности права как формального равенства в свободе, что дает правовой теории и практике критерий разграничения права от властного произвола как ничем не ограниченной воли государства (легистский позитивизм) или общества (социологический позитивизм).

Идея различения права и закона и основанная на ней правовая теория встретили резкое сопротивление со стороны большинства отечественных юристов,

посчитавших, что этот подход ведет к разрушению социалистической законности, поскольку, как минимум, подрывает авторитет советского государства, а как максимум, предполагает, что граждане вправе не исполнять неправовые, по их мнению, законы. Причем многим представителям отраслевого правоведения сама постановка вопроса о различении права и закона казалась просто абсурдной. Особые возражения вызывала увязка В.С. Нерсисянцем сущности права с категориями равенства и свободы. Показательна в этом плане статья «О правопонимании и законности» акад. В.Н. Кудрявцева, в которой не только оспаривалась идея разграничения права и закона, но также говорилось о том, что «не всегда применимыми являются и такие требования к правовым нормам, как "равенство" и "свобода"». Далеко не все отрасли права основаны на равноправии субъектов: возьмем, к примеру, административное право; о свободе поведения в рамках права (например, уголовного) тоже приходится судить как о весьма относительной» (Кудрявцев 5).

Эта статья В.Н. Кудрявцева заслуживает специального внимания, поскольку ее автором был очень известный и влиятельный правовед, в прошлом – директор Института государства и права, а на момент публикации статьи вице-президент РАН. А главное, она была написана уже в 1994, т.е. после принятия Конституции РФ, закрепившей нормы о прирожденном и неотчуждаемом характере прав человека (17) и о том, что эти права являются непосредственно действующими (18). Прочитав слова В.С. Нерсисянца о различии права и закона и о формальном равенстве как сущностном признаке права, автор высказал следующую позицию, которую целесообразно привести здесь полностью, поскольку она в концентрированном виде отражает все еще довольно популярную в нашем научном сообществе точку зрения. «Выраженный здесь идеал, вероятно, расходится с действительностью, с фактами. Ну что ж, как говорится, тем хуже для фактов... Получается, что во всемирной истории было много законов, но не так уж много того, что можно было бы назвать правом. ... Не углубляясь в древность или средневековье, можно ... констатировать, что гитлеровская Германия определенно не имела права, а только законы. Во-вторых, нечто подобное, очевидно, надо признать и применительно к различным периодам советской истории и создававшимся на ее протяжении правовым актам. ... А в-третьих, — и это самое главное, — довольно шаткими и неопределенными становятся оценки ныне действующих законов: разве все они справедливы и демократичны? А если не все, то как поступать с теми, которые не соответствуют этим критериям? Выполнять ли их, нарушая "идеальное право"? ... Получается, что от нашего субъективного суждения и зависит, надо ли соблюдать ту или иную правовую норму или нет. Чем же это отличается от анархии?» (Кудрявцев 5-6). И далее автор приводит аргумент, для которого и была, скорее всего, написана эта статья, опубликованная по горячим следам внутривнутриполитического конфликта сентября-октября 1993 г. между Президентом Б.Н. Ельциным и Правительством РФ, с одной стороны, и большинством депутатов Верховного Совета РФ – с другой. В.Н. Кудрявцев упрекает теорию, разграничивающую право и закон, в том, что она дала основания утверждать, будто действовавшая на тот момент Конституция¹ — «это "плохой закон" и что есть некое хорошее, подлинное право, которое стоит выше всяких законов» (Кудрявцев 6).

¹ На момент этих событий фактически действовала Конституция (Основной закон) Российской Федерации - России от 1978 г. (с изменениями и дополнениями), а также де-юре продолжала действовать Конституция СССР и законы СССР, несмотря на то, что де-факто распад СССР произошел в 1991 г.

Подобная критика в отношении либертарно-юридической теории в 90-е годы прошлого века повторялась во многих работах. Позднее, по мере того, как представители позитивистского правопонимания осваивали положения о правах человека и правовом государстве, закрепленные в принятой в 1993 г. Конституции РФ, критика теории В.С. Нерсисянца сместилась в сторону упреков по поводу того, что автор не разработал юридическую догматику, соответствующую его типу правопонимания, что его теория носит слишком абстрактный характер, оторванный от потребностей юридической практики и т.п. Другой пласт критических высказываний включает в себя утверждения о том, что либертарно-юридическая теория не составляет самостоятельный тип правопонимания, а является одной из версий естественно-правового подхода. Надо отметить, что В.С. Нерсисянец не вступал в полемику со своими многочисленными оппонентами, предпочитая концентрировать усилия на постоянном уточнении и развитии положений своего подхода (единственным исключением стала упомянутая ранее первая публикация на тему нового правопонимания, где автор спорил с А.А. Алексеевым и Л.С. Явичем). Однако в рамках данной статьи представляется целесообразным рассмотреть основные направления критики и именно в этом контексте попытаться раскрыть научное своеобразие либертарно-юридической теории и ее значение для совершенствования юридической практики.

Научное и практическое значение либертарно-юридической теории: ответ оппонентам

Начать анализ следует с тезиса акад. В.Н. Кудрявцева о том, что во всемирной истории было много законов, но не так уж много того, что можно было бы назвать правом. С этим тезисом нельзя не согласиться, но его надо прокомментировать. Дело в том, что право как нормативный регулятор всегда было неравномерно распространено по миру во времени и в пространстве. Наше время в этом отношении не является исключением: есть крупные регионы мира и целые цивилизации, в соционормативных системах которых до сих пор преобладают иные регуляторы, выстроенные на сложном сочетании норм религии, морали, обычаев и т.д. с теми или иными формами властного произвола. «В историческом плане, – писал В.С. Нерсисянец, – *определяющее значение права во всей соционормативной системе* соответствует такой эпохе (а именно буржуазной) социального и духовного развития, когда правовое сознание (*юридическое мировоззрение*) начинает играть ведущую роль в системе форм общественного сознания, как ранее такую роль играли *мифология* (в эпоху становления соционормативной регуляции), потом *религия* (в древности и средние века), а затем в Новое время — политика и светская (политизированная и идеологизированная) *мораль*» (Нерсисянец, Философия права / Учебник для вузов 112). Очевидно, что понимание места права в соционормативной системе того или иного общества и форм его взаимодействия с иными социальными регуляторами – это необходимое условие осмысления цивилизационной специфики данного общества и характера его включенности в общечивилизационное развитие человечества.

Что же касается претензий по поводу того, что идея разграничения права и закона дала основания не соблюдать нормы Конституции в ситуации политического кризиса 1993 г., то в данном случае упреки явно не по адресу. Ведь сам В.Н. Кудрявцев признавал, что ситуация была экстремальной и что «обе стороны прибегли к силе; ни одна из них не нашла возможности для юридического разрешения возникшего противоборства. Когда происходит смена общественного строя, – писал он, – вряд ли возможно рассчитывать на обычное действие

законодательных актов, принятых в предшествовавшее время» (Кудрявцев 6). В условиях же «обычного действия законодательных актов», на которую и рассчитана либертарно-юридическая теория, она, конечно же, не предполагает неисполнения неправовых законов, а ориентирует на совершенствование законодательства с помощью тех правовых механизмов (таких, как судебный нормоконтроль, избирательные процедуры, формы согласования интересов в рамках парламентских дискуссий и т.д.), которые существуют в рамках правового (или стремящегося стать правовым) государства. Но чтобы задействовать эти механизмы, для начала важно понять, что закон носит неправовой характер, а для этого надо иметь соответствующие теоретические критерии оценки его правового качества.

К настоящему времени критика либертарно-юридической теории за «подрыв законности» встречается редко и на первый план выходят утверждения о ее оторванности от потребностей юридической практики, о ее слишком абстрактном характере, об отсутствии ее юридико-догматической конкретизации и т.п. Действительно, принцип формального равенства – это максимально абстрактная теоретическая конструкция, ставшая итогом рационализации античной традиции понимания права как равенства (эквивалента) в отношениях между людьми путем последовательного абстрагирования от присущих естественно-правовым доктринам исторических наслоений, искажающих логическую чистоту правового принципа. Данное обстоятельство, свидетельствующее о логической последовательности и внутренней непротиворечивости теории, – это ее достоинство, которое в полной мере подтверждает известный тезис о том, что нет ничего практичнее хорошей теории. Но чтобы воспользоваться этим достоинством, надо раскрыть практически значимый смысл либертарно-юридической теории, согласно которому равенство в свободе означает *отсутствие привилегий для одних и дискриминации других субъектов правового общения*, и показать, как операционализированный таким образом правовой принцип формального равенства работает в конкретном социально-историческом контексте, охватывающем и действующее на данный момент законодательство, и социальные условия его действия.

Сошлюсь на свой многолетний опыт практической экспертной деятельности по оценке правового характера законопроектов в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, который показывает принципиальное значение типа правопонимания для решения любых правовых проблем. Так, если экспертиза законопроекта проводится с позиции легистско-позитивистской трактовки права, то она ограничивается сугубо юридическим анализом: эксперт смотрит, как предлагаемая правовая новелла вписывается в действующее законодательство и что надо подправить в самом законопроекте и в системе законодательства, чтобы снять пробелы и противоречия и достичь той социальной цели, на которую ориентирован законопроект (при этом сама цель не подвергается правовой оценке). Но для поиска подлинно правового решения этого недостаточно. Либертарно-юридический подход предполагает оценку результатов включения нормы не только в законодательный, но и в социальный контекст ее действия, в рамках которого оценивается правовой характер цели введения данного закона (т.е. способствует ли она расширению сферы свободы) и определяются правовые условия ее реализации, выстраиваемые таким образом, чтобы никто из субъектов правового регулирования не получал бы привилегий и не был бы дискриминирован.

Поэтому, когда некоторые критики либертарно-юридической теории упрекают ее в том, что, опираясь не нее, «нельзя вопреки утверждениям самих ученых (*т.е.*

сторонников этой позиции – В.Л.) заранее сказать, какой закон будет правовым, а какой нет, поскольку априори не известно, какие представления о справедливом равенстве сложатся в том или ином обществе», они смешивают формулировку принципа и его реализацию (Поляков 75). Либертарно-юридическая теория как раз четко формулирует абстрактный принцип, соответствие которому гарантирует правовой характер закона, но, чтобы использовать этот принцип в качестве критерия оценки закона на практике, надо спрогнозировать его действие в конкретной ситуации. В.С. Нерсисянц, никогда не утверждал, что можно априори сказать, какой закон будет правовым. А те из его сторонников, кто применяет эту теорию на практике, исходят из того, что оценка правового качества закона каждый раз требует творческого подхода: надо смоделировать взаимодействие правообразующих интересов всех субъектов регулирования, отношения между которыми регулируются данной нормой, и найти пространство, в котором эти интересы могут быть согласованы таким образом, чтобы никто не имел привилегий и не был бы дискриминирован. И чем глубже мы изучим законодательный и социальный контекст действия правовой новеллы (с привлечением юридико-догматического анализа нормативного материала, данных социологических исследований, оценок экспертов из числа теоретиков и практиков, представляющих релевантные объекту регулирования области профессионального знания, и т.д.), тем точнее (а в идеале – с математической точностью) мы найдем пространство пересечения правообразующих интересов, подтверждая тезис В.С. Нерсисянца о том, что право – это математика свободы.

Чтобы предметно прокомментировать представления, будто вывод о правовом характере нормы может быть сделан без всестороннего анализа социального контекста ее действия, рассмотрим пример решения очень важного правового спора, одна из сторон которого основывалась именно на таком априорном подходе к оценке правового качества закона. Речь пойдет о решении Европейского суда по правам человека по делу (далее – ЕСПЧ) «К. Маркин против России», которое стало первым конфликтом между ЕСПЧ и Конституционным Судом РФ, имевшим, как показало дальнейшее развитие событий, далеко идущие последствия. Фабула дела такова. Офицер Вооруженных сил РФ К.А. Маркин, после рождения сына и развода с женой, обратился к командованию с просьбой предоставить ему трехгодичный отпуск по уходу за ребенком и получил отказ, правомерность которого затем была подтверждена военными судами. К.А. Маркин направил жалобу в Конституционный Суд РФ, оспаривая конституционность закона, по которому право на отпуск по уходу за ребенком имеют только женщины-военнослужащие. Конституционный Суд отказал в принятии дела к рассмотрению. Далее последовала жалоба в ЕСПЧ, который признал, что Российская Федерация нарушила ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующую право на частную жизнь, и ст.14, содержащую запрет дискриминации. Оставим в стороне крайне непростые вопросы о соотношении юридической силы норм Европейской конвенции и Конституции РФ, о юридических последствиях ратификации Конвенции, о правовой сути пилотных постановлений ЕСПЧ, содержащих предписание государству-ответчику принять меры общего характера для устранения системной проблемы, и т.д. (Лапаева 546-578). Рассмотрим лишь вопрос о том, какая судебная инстанция – ЕСПЧ или Конституционный Суд РФ – предложила более верную *оценку правового качества закона*. Для этого надо прежде всего понять, из чего исходила в своих рассуждения каждая из сторон этого заочного правового спора, представляющего собой конфликт толкований.

Анализ решений Первой секции и Большой палаты ЕСПЧ показывает, что Суд, принимая решение, опирался «в сухом остатке» на представления о том, что: 1) «достижение равенства полов является сегодня одной из основных целей в государствах- членах Совета Европы» (п.47 Постановления Первой секции и п. 127 Постановления Большой палаты) (Case of Konstantin Markin v. Russia - First section 2011; The Grand Chamber 2012); 2) к настоящему времени достигнут европейский консенсус о равенстве полов между мужчинами-военнослужащими и женщинами-военнослужащими в вопросе о родительском отпуске (п. 147 Постановления Большой палаты); 3) отсутствие обоснования российской стороной прав требованиям национальной безопасности и оперативной боеготовности должна быть «обоснована конкретными примерами» (п. 53 Постановления Первой секции и п. 144 Постановления Большой палаты). Отсюда следует, что ЕСПЧ исходил не из абстрактного принципа формального равенства, который по-разному реализуется в разных ситуациях, а из более конкретной идеи равенства полов, которая должна быть реализована независимо от особенностей конкретных ситуаций (т.е., по сути, от национальных особенностей разных стран). Причем, если ранее ЕСПЧ признавал межстрановые различия в подходах, то в данном случае он сослался на уже достигнутый европейский консенсус в вопросе о родительском отпуске военнослужащих. На этом основании ЕСПЧ сделал вывод о желательности мер общего характера на национальном уровне для обеспечения эффективной защиты от дискриминации и рекомендовал России «принять меры — под надзором Комитета министров — с целью внесения изменений в пункт 3 статьи 11 Закона «О статусе военнослужащих» (п. 67 Постановления Первой секции).

Однако, если в большинстве стран Совета Европы законодательные преференции для женщин — это уже гендерный стереотип, ведущий к дискриминации мужчин, то в России, к сожалению, подобные преференции пока что, как правило, являются правовыми компенсациями, которые направлены на подтягивание женщин до уровня равной правоспособности с мужчинами. А такие компенсации, согласно В.С. Нерсисянцу, представляют собой реализацию принципа формального равенства¹ (Нерсисянц, Философия права 509). Что же касается того обстоятельства, что различие в обращении по признаку пола применяется только по отношению к военнослужащим, то, как отметил ЕСПЧ, государство может устанавливать подобные ограничения прав военнослужащих, «если существует реальная угроза боеспособности вооруженных сил» (п. 53 Постановления Первой секции), однако утверждения о возможной угрозе боеспособности должны быть «подтверждены конкретными примерами» (п. 56 Постановления Первой секции). Между тем, без всяких статистических исследований и «конкретных примеров» очевидно, что сама возможность предоставления российским военнослужащим трехгодичного отпуска по уходу за ребенком внесет большую неопределенность в функционирование армии. А неопределенность в данном вопросе может рассматриваться государством (в лице его парламента, принявшего соответствующий закон) как угроза боеспособности вооруженных сил. Особо следует подчеркнуть, что применительно к России речь шла именно о трехгодичном родительском отпуске, который в таком объеме (и даже близко к такому объему) не предоставляется в подавляющем большинстве стран мира.

Позиция же Конституционного Суда РФ основывалась на том, что российским законодательством предусмотрен общий для всех военнослужащих запрет на использование отпуска по уходу за ребенком, и из этого общего запрета,

¹ «Разные характеристики равенства (пропорциональное, распределяющее и т.п.) остаются равенством лишь в тех пределах, в которых они не выходят за рамки правовой компенсаторности».

обусловленного спецификой профессиональной деятельности военнослужащих-контрактников, сделаны исключения для женщин, которым этот отпуск предоставлен в трехгодичном объеме. Уступка законодателя в сторону женщин-военнослужащих, как отметил Председатель Конституционного Суда, «во-первых, отвечает смыслу статьи 38 Конституции, согласно которому государство гарантирует особую защиту материнства и детства, и, во-вторых, не ведет к нарушению прав других социальных групп, что соответствует требованию части 3 статьи 17 Конституции» (Зорькин 2010). При этом он особо подчеркнул, что речь идет не только и не столько об интересах женщин, сколько об интересах их малолетних детей, которые в силу чисто биологических причин в этот период своей жизни наиболее тесно связаны именно с матерью (что подтверждается результатами научных исследований в области педиатрии и детской психологии). Системное толкование названных статей применительно к рассматриваемой проблеме позволили Конституционному Суду прийти к выводу о том, что «если интересы какой-то группы детей могут быть защищены без ущерба интересов других лиц и конституционных ценностей общего блага, то из части 1 статьи 38 Конституции следует обязанность государства принять все возможные меры к такой защите» (Зорькин 2010). Если бы численность женщин в вооруженных силах страны была бы соизмерима с численностью мужчин (т.е. если бы в России женщины-военнослужащие имели одинаковый с мужчинами уровень боевой и физической подготовки), то, скорее всего, законодатель не смог бы сделать подобные уступки для женщин-военнослужащих, исходя из необходимости сохранять контроль над уровнем боеспособности армии.

К сказанному Председателем Конституционного Суда РФ можно добавить еще одно соображение, которое он не стал высказывать, но которое лежало в подтексте его рассуждений: реализация Россией требования внести изменения в ФЗ «О статусе военнослужащих», уравнивая женщин и мужчин в их праве на родительский отпуск, для Конституционного Суда, как и для российского законодателя, могло означать лишь одно, а именно – отказ всем военнослужащим в праве на трехгодичный отпуск по уходу за ребенком. Иное решение вопроса вошло бы в противоречие с положением ч. 3 ст.55 Конституции РФ, согласно которой права человека могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства. Дело в том, что Россия, в отличие от других государств-членов Совета Европы, чья защищенность от внешних угроз обеспечивалась входящими в НАТО вооруженными силами США¹ (где, кстати, вообще отсутствует право на родительский отпуск для военнослужащих), не могла позволить себе присоединиться к такому европейскому консенсусу, который ослаблял бы боеспособность российской армии.

Этот краткий сравнительный анализ правовых позиций и решений двух судебных инстанций, на наш взгляд, показывает, что позиция, занятая Конституционным судом РФ, основана на более полном учете как конституционно-правового, так социального контекста действия рассматриваемой законодательной нормы. Можно, конечно, согласиться с тем, что ментальность российского общества в данном вопросе носит патриархальный характер, однако попытки вторгаться в эту ситуацию ссылаясь на европейский консенсус создают впечатление, как минимум, высокомерного нежелания считаться с реалиями. В любом случае выводы первой сессии ЕСПЧ о необходимости внесения изменений в ФЗ «О статусе

¹ Данное обстоятельство в последнее время ярко подтверждается целым рядом заявлений Президента США.

военнослужащих», а также решение Большой палаты, согласно которому «недопущение использования отпуска по уходу за ребенком военнослужащими-мужчинами, в то время как военнослужащие-женщины имеют на него право, не может быть разумно или объективно оправдано» и такое «различие в обращении ... должно быть приравнено к дискриминации по признаку пола» (п. 151 Постановления Большой палаты), выглядят чрезмерно ригористичными. С точки зрения принципа формального равенства было бы гораздо адекватнее правовой сути данного конкретного спора, если бы ЕСПЧ увидел здесь не дискриминацию мужчин-военнослужащих в целом, а ущемление прав тех из них, кто в силу жизненных обстоятельств оказался вынужден в одиночку воспитывать детей до трех лет.

В связи с «делом Маркина» важно отметить, что применение принципа формального равенства к оценке правового качества закона предполагает не предъявление некоего заранее известного стандарта качества, а поиск равенства в свободе всех заинтересованных сторон путем согласования их правомерных интересов. Такое согласование должно быть направлено на максимально возможный в сложившейся конкретно-исторической ситуации учет всех многочисленных нюансов, влияющих на определение этой меры свободы каждой из сторон. Ведь «формы проявления равенства как специфического принципа правовой регуляции, – писал В.С. Нерсисянц, – носят социально-исторический характер» (Нерсисянц, Общая теория права и государства 58). Подлинно правовое решение рассматриваемой проблемы в данной социально-исторической ситуации еще ждет своего часа. И для начала было бы целесообразно провести серьезные сравнительно-правовые и социологические исследования российской практики предоставления родительского отпуска по уходу за ребенком (включая и объем отпуска, и порядок его предоставления) в контексте современного мирового опыта с фокусировкой на специфике профессиональной деятельности кадровых военнослужащих. Но эту задачу должна решать российская юридическая наука в рамках широкого междисциплинарного взаимодействия. И если бы она своевременно озаботилась этой проблемой, то наличие научного задела в данной области могло бы существенно снизить накал рассмотренного нами конфликта толкований и его негативные последствия.

Полагаю, что проведенный выше анализ достаточно наглядно демонстрирует, что либертарно-юридическая теория вовсе не оторвана от потребностей правовой практики. Что же касается утверждений о том, что эта теория «не сменила формировавшуюся на протяжении многих веков и застывшую в своем развитии догму права» и что В.С. Нерсисянц, «декларируя общие критерии правового закона, ... не предлагал взамен существующих юридических представлений о субъекте, объекте права, правовом отношении, юридической ответственности и т. д. свою матрицу правовых понятий», то они основаны на недоразумении (Архипов 11; №5 4-14). Прежде всего, надо отметить, что данная теория не отвергает «формировавшуюся на протяжении многих веков» догму права уже хотя бы потому, что для нее право – это правовой закон, но она дополняет и развивает юридическую догматику, разработанную в рамках позитивистского правопонимания. В качестве таких дополнений следует прежде всего отметить, что с позиции данного подхода доктринальный язык, который формирует догма права а, соответственно, и тот юридический язык, которым оперирует законодательство, носит не дескриптивный, а прескриптивный характер. Юридический язык «не просто *описывает* то или иное фактическое состояние, но трактует (интерпретирует) его с позиций юридически должного, т.е., по существу, *предписывает* рассматриваемому фактическому состоянию соответствующее ему

юридически должное» (Нерсисянц, Общая теория права и государства / Учебник для вузов 383). Другой важный момент новизны либертарно-юридической догматики связан с трактовкой права в целом как единой нормы, выраженной через всю систему позитивного права того или иного государства. «Представление о праве как о системе норм права, – писал В.С. Нерсисянц, – по существу, означает и вообще логически допустимо лишь при условии, что прежде всего само право в целом (право как системное нормативно-регулятивное целое) мыслится как единая норма права и именно как позитивно-правовая норма (с соответствующими структурными компонентами — диспозицией, гипотезой и санкцией)» (Нерсисянц, Общая теория права и государства / Учебник для вузов 388).

По поводу утверждений о том, что либертарно-юридическая теория не составляет самостоятельный тип правопонимания, а представляет собой одну из версий юснатурализма, следует напомнить, что главный признак естественно-правового типа правопонимания – это представление о наличии некоего подлинного права, «которое коренится в объективной природе – в природе бога или человека, ... в природе вещей и т.д.» (Нерсисянц, Философия права / Учебник для вузов 23). При этом общей «теоретико-познавательной основой всех представлений о естественном праве ... является ... признание безусловного приоритета «естественного» над «искусственным»» (Нерсисянц, Философия права / Учебник для вузов 92). Отсюда следует признание прирожденного и неотчуждаемого характера прав человека, дуализма источников права, неразделенности права и морали (что означает отсутствие сущностного признака и принципа права и собственного предмета исследований юриспруденции как науки). По всем этим позициям либертарно-юридическая теория предлагает принципиально иной подход. Особо следует отметить, что В.С. Нерсисянц не считал, что права человека носят прирожденный характер. А то, что человек приобретает права не от рождения, а как член общества, означает такую теоретико-правовую модель взаимоотношений человека и общества (индивидуального и общего блага), которая позволяет глубже осмыслить правовые последствия современного научно-технологического развития, связанные с опасностью технологической дегуманизации путем вторжения в природу человека (Лапаева 4-35).

Вместо заключения: развитие либертарно-юридического подхода в современных исследованиях

В настоящее время, как верно замечено, идеи В.С. Нерсисянца и разработанные им теоретические конструкции «могут служить ориентиром и основой для поиска ответов на самые актуальные запросы современной духовно-нравственной и интеллектуальной культуры» (Савенков, Горбань 6). При этом хотелось бы отметить особое значение либертарно-юридической теории для оценки правового качества действующего российского законодательства, а также разрабатываемых правовых новелл. Для усиления влияния этого подхода на совершенствование российского правотворчества необходимо дальнейшее развитие. Либертарно-юридическая теория сформулирована автором на максимально возможном уровне теоретической абстракции, любые попытки ее теоретического уточнения (а такие попытки предпринимаются) представляют собой отступления от ее принципиальных положений и в этом смысле не могут рассматриваться как способы развития самой теории. Поэтому наиболее конструктивным направлением либертарно-юридического подхода на данном этапе является разработка сторонниками данного типа правопонимания

соответствующей юридической догматики. И в этом направлении сейчас ведется серьезная работа.

Прежде всего надо отметить исследования в области проблематики *принципов права*, показывающие, что либертарно-юридическая теория (в отличие от естественно-правовой доктрины, ориентированной на разнообразные и партикулярные по своей природе нравственные принципы) выстроена на основе конкретизации сущностного, т.е. всеобщего для правовой сферы, принципа формального равенства, что придает системе правовых принципов, лежащих в основе либертарной теории, иерархизированный и аксиоматичный характер (Варламова 269-300). Другое ключевое направление развития либертарно-юридической догматики связано с выработкой *критериев (оснований и пределов) ограничения прав человека*. Так, на основе данного типа правопонимания уточняется и развивается правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой ограничение прав человека федеральным законом должно осуществляться по основаниям, связанным с защитой конституционных ценностей (в том числе и других прав человека), и в пределах, заданных необходимостью: а) обеспечить соразмерность между ограничением прав человека и защищаемыми конституционными ценностями и б) сохранить существо самого права¹ и различие таких понятий, как «ограничение права» и «лишение права». В рамках либертарно-юридического правопонимания предложены подходы к конкретизации таких ключевых понятий этой теоретической конструкции, как «соразмерность между ограничением прав человека и защищаемыми ценностями общего блага» и «существо права, в которое законодатель не может вторгаться», а также обоснована необходимость различения понятий «ограничение права» и «лишение права»², имеющее важное значение для понимания правового смысла ч. 3 ст. 32 и ч. 5 ст. (Лапаева 470-511; 110-125). 13 Конституции РФ и его юридических последствий для практики правотворчества и правоприменения. Еще одно заметное направление догмы права, разрабатываемое на основе либертарно-юридического подхода, связано раскрытием принципа добросовестности как конкретизации принципа формального равенства (Дождев, Принцип добросовестности в гражданском праве 147-163). В этом же ряду следует отметить и трактовку гражданско-правового отношения как конкретизированной и реализованной нормы права, содержание которого включает внешние обстоятельства, существенные для достижения согласованной сторонами цели сделки и отвечающие общеправовому требованию соблюдения равенства сторон и т. д. (Дождев, Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств 103-121; №2 144-172).

Думаю, что на основе такого рода исследований в перспективе следует сформировать учебный курс по либертарно-юридической доктрине и догме права, внедрение которого в образовательный процесс способствовало бы более полному пониманию будущими юристами глубокой внутренней взаимосвязи между философско-правовым уровнем анализа и решением актуальных проблем правовой практики.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. №15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бутмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова (абзац 4 п. 3 мотивировочной части) // Российская газета. 31.10.2003 г.

² Эта проблема рассмотрена, в частности, на примере еще одной важной по своим политико-правовым последствиям дискуссии между ЕСПЧ и Конституционным Судом РФ по вопросу об ограничении активного избирательного права заключенных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипов, Сергей Иванович. «Либертарная теория права: достоинства и недостатки». *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*, 2015, №5, стр. 4-14.
2. Варламова, Наталия Владимировна. «Философия права и юридическая догматика (проблема внутренней непротиворечивости правовой теории». *Юриспруденция XXI века: горизонты развития*. Очерки. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006, стр. 269-300.
3. Дождев, Дмитрий Вадимович. «Принцип добросовестности в гражданском праве». *Принцип формального равенства и взаимное признание права*, М.: Проспект, 2016, стр.147-163.
4. ---. «Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция». *Труды ИГП РАН*, 2018, №1 (с.103-121), №2 (стр.144-172).
5. Зорькин, Валерий Дмитриевич. «Диалог Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека в контексте конституционного правопорядка». *Доклад на XIII Международном Форуме по конституционному правосудию*, СПб. 18 – 20 ноября 2010 г. // ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx... Последний визит: 19.05.2025.
6. Кудрявцев, Владимир Николаевич. «О правопонимании и законности». *Государство и право*, 1994, №3, стр. 5-6.
7. Лапаева, Валентина Викторовна. *Типы правопонимания: правовая теория и практика*, М.: РАП, 2012, стр. 470-511.
8. ---. «Возможности развития человекоцентристского потенциала Конституции РФ (на примере толкования ч. 3 ст. 32)». *Правоведение*, 2016, №1, стр. 110-125.
9. ---. «Право техногенной цивилизации перед вызовами технологической дегуманизации». *Право. Журнал высшей школы экономики*, 2021, №3, стр. 4-35.
10. Нерсисянц, Владик Сумбатович. «Различение и соотношение права и закона как междисциплинарная проблема». *Вопросы философии права* / Под ред. Д.А. Керимова, М.: ИГПАН СССР, 1973, стр. 33-45.
11. ---. «Выступление на «Круглом столе» журнала «Советское государство и право» на тему «О понимании советского права»». *Сов. государство и право*, М., 1979, № 7, стр. 70-71.
12. ---. «Из истории правовых учений: два типа правопонимания». *«Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания»*, М.: ИГП АН СССР. 1978. стр. 18-29.
13. ---. «Право: многообразие определений и единство понятия». *Сов. государство и право*, М., 1983, №10, стр. 26-35.
14. ---. «Общая теория права и государства». *Учебник для вузов*, М.: Норма, 2004.
15. ---. «Философия права: либертарно-юридическая концепция», *Вопросы философии*, 2002, N 3, стр. 3-15.
16. ---. *Философия права / Учебник для вузов*, М.: Норма, 2006.
17. Поляков Андрей Васильевич. *Признание права и принцип формального равенства*. 2015, №6, стр. 57-76.
18. «Основные задачи науки советского права». *Материалы 1 Совещания научных работников права*, 16-19 июля 1938 г., М., 1938.
19. Савенков, Александр Николаевич, Горбань, Владимир Сергеевич. В.С. Нерсисянц как философ права переходного периода: от советского к

постсоветскому // Академик В.С. Нерсисянц. Философско-правовое наследие, М.: ИГПРАН, 2023.

20. Четвернин, Владимир Александрович. *Введение в курс общей теории права и государства*. М., 2003.

21. "Case of Konstantin Markin v. Russia". *First section*, 08 June 2011, Application no. 30078/06, hudoc.echr.coe.int?eng?i=001-117034. Accessed: 20.05.2025.

22. "Case of Konstantin Markin v. Russia". *The Grand Chamber*, 22 March 2012, Application no. 30078/06, hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/... Accessed: 20.05.2025.

WORKS CITED

1. Arhipov Sergej Ivanovich. «Libertarnaja teorija prava: dostoinstva i nedostatki». Jelektronnoe prilozhenie k Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu, ["Libertarian Theory of Law: Advantages and Disadvantages." Electronic Supplement to the Russian Law Journal], 2015, №5, s. 4-14. (In Russian)

2. Varlamova Natalija Vladimirovna. «Filosofija prava i juridicheskaja dogmatika (problema vnutrennej neprotivorechivosti pravovoj teorii». Jurisprudencija XXI veka: gorizonty razvitija. Oчерki. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, ["Philosophy of Law and Legal Dogmatics (The Problem of Internal Consistency of Legal Theory)." Jurisprudence of the 21st Century: Horizons of Development. Essays. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2006, s. 269 – 300. (In Russian)

3. Dozhdev Dmitrij Vadimovich. «Princip dobrosovestnosti v grazhdanskom prave». Princip formal'nogo ravenstva i vzaimnoe priznanie prava. M.: Prospekt. ["The Principle of Good Faith in Civil Law." The Principle of Formal Equality and Mutual Recognition of Law. Moscow: Prospekt], 2016, s.147-163. (In Russian)

4. ---. «Izmenenie i rastorzenie dogovora vsledstvie sushhestvennogo izmenenija obstojatel'stv: evropejskaja pravovaja tradicija». Trudy IGP RAN, ["Modification and Termination of a Contract Due to a Significant Change in Circumstances: The European Legal Tradition."], 2018, №1 (s.103-121), №2 (s.144-172). (In Russian)

5. Zor'kin Valerij Dmitrievich. «Dialog Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii i Evropejskogo Suda po pravam cheloveka v kontekste konstitucionnogo pravoporjadka». Doklad na XIII Mezhdunarodnom Forume po konstitucionnomu pravosudiju. SPb. ["Dialogue between the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights in the Context of Constitutional Order." Report at the XIII International Forum on Constitutional Justice. St. Petersburg], 18 – 20 nojabrja 2010g. // ksr.f.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx... Poslednij vizit: 19.05.2025. (In Russian)

6. Kudrjavcev Vladimir Nikolaevich. «O pravoponimanii i zakonnosti». Gosudarstvo i pravo, ["On Legal Understanding and Legality"], 1994, №3, s. 5-6. (In Russian)

7. Lapaeva Valentina Viktorovna. Tipy pravoponimaniya: pravovaja teorija i praktika. M.: RAP, ["Types of Legal Understanding: Legal Theory and Practice." Moscow: RAP], 2012. s. 470-511. (In Russian)

8. ---. «Vozmozhnosti razvitija chelovekocentristskogo potentsiala Konstitucii RF (na primere tolkovaniya ch. 3 st. 32)». Pravovedenie, ["Opportunities for Developing the Human-Centered Potential of the Constitution of the Russian Federation (Example of Interpretation of Part 3, Article 32)", 2016, №1, s. 110-125. (In Russian)

9. ---. «Pravo tehnogennoj civilizacii pered vyzovami tehnologicheskoy degumanizacii». Pravo. Zhurnal vysshej shkoly jekonomiki, [“The Law of Technogenic Civilization in the Face of Technological Dehumanization.” Law. Journal of the Higher School of Economics], 2021, №3, s. 4-35. (In Russian)

10. Nersesjanc Vladik Sumbatovich. «Razlichenie i sootnoshenie prava i zakona kak mezhdisciplinarnaja problema». Voprosy filosofii prava / Pod red. D.A. Kerimova, M.: IGPAN SSSR, [“Distinction and Correlation of Law and Legislation as an Interdisciplinary Problem.” Issues in Philosophy of Law, Ed. D.A. Kerimov, Moscow], 1973, s. 33-45. (In Russian)

11. ---. «Vystuplenie na «Kruglom stole» zhurnala «Sovetskoe gosudarstvo i pravo» na temu «O ponimanii sovetskogo prava»». Sov. gosudarstvo i pravo, M., [“Speech at the ‘Round Table’ of the journal ‘Soviet State and Law’ on the Topic ‘On the Understanding of Soviet Law’.” Soviet State and Law, Moscow], 1979, № 7, s. 70-71. (In Russian)

12. ---. «Iz istorii pravovyh uchenij: dva tipa pravoponimaniya». «Politicheskie i pravovye ucheniya: problemy issledovaniya i prepodavaniya», M.: IGP AN SSSR, [“From the History of Legal Doctrines: Two Types of Legal Understanding.” In Political and Legal Doctrines: Problems of Research and Teaching, Moscow], 1978. s. 18-29. (In Russian)

13. ---. «Pravo: mnogoobrazie opredelenij i edinstvo ponjatija». Sov. gosudarstvo i pravo, M., [“Law: Diversity of Definitions and Unity of the Concept.” Soviet State and Law, Moscow], 1983, №10, s. 26-35. (In Russian)

14. ---. «Obshhaja teorija prava i gosudarstva». Uchebnik dlja vuzov, M.: Norma, [“General Theory of Law and State.” University Textbook. Moscow], 2004. (In Russian)

15. ---. «Filosofija prava: libertarno-juridicheskaja koncepcija», Voprosy filosofii, [“Philosophy of Law: The Libertarian-Legal Concept.” Problems of Philosophy], 2002, N 3, s. 3-15. (In Russian)

16. ---. Filosofija prava / Uchebnik dlja vuzov, M.: Norma, [“Philosophy of Law.” University Textbook. Moscow: Norma], 2006. (In Russian)

17. Poljakov Andrej Vasil'evich. Priznanie prava i princip formal'nogo ravenstva. [“Recognition of Law and the Principle of Formal Equality”], 2015, №6, s. 57-76. (In Russian)

18. «Osnovnye zadachi nauki sovetskogo prava». Materialy 1 Soveshhanija nauchnyh rabotnikov prava, 16-19 ijulja 1938 g., M., [“Main Tasks of the Science of Soviet Law.” Materials of the First Meeting of Legal Scholars, July 16–19, 1938, Moscow], 1938. (In Russian)

19. Savenkov Aleksandr Nikolayevich, Gorban' Vladimir Sergejevich. «V.S. Nersesyants kak filosof prava perekhodnogo perioda: ot sovetskogo k postsovetskomu» // Akademik V.S. Nersesyants. Filosofsko-pravovoye nasledie. M.: IGP RAN, [“V.S. Nersesyants as a philosopher of law of the transitional period: from Soviet to post-Soviet”. V.S. Nersesyants. Philosophical and legal heritage. Moscow], 2023. (In Russian)

20. Chetvernin Vladimir Aleksandrovich. Vvedenie v kurs obshhej teorii prava i gosudarstva. M., [“Introduction to the Course on General Theory of Law and State.” Moscow], 2003. (In Russian)

ՎԼԱԴԻԿ ՆԵՐՍԵՍՅԱՆՑԻ ԱԶԱՏԱԿԱՆ-ԻՐԱՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ՆՐԱ ՆԵՐԴՐՈՒՄՆ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ՈՒ ԴՐԱԿՏԻԿԱՅԻ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՄԵԶ

ՎԱԼԵՆՏԻՆԱ ԼԱՊԱԵՎԱ

*Ռուսաստանի գիտությունների ակադեմիայի Պետության և իրավունքի ինստիտուտի իրավունքի փոխտնօրինության, պետության և իրավունքի պատմության ու տեսության բաժնի գլխավոր գիտաշխատող,
«Գիտական Արցախ» պարբերականի խմբագրական խորհրդի անդամ,
իրավաբանական գիտությունների դոկտոր,
ք. Մոսկվա, Ռուսաստանի Դաշնություն*

Հոդվածում ներկայացվում է ժամանակակից ռուսաստանյան իրավափոխության մտքի ուղղություններից մեկը՝ ազատական-իրավաբանական տեսությունը, որը մշակվել է խորհրդային և ռուսաստանյան հայտնի իրավագետ, ՌԳԱ ակադեմիկոս Վ. Ս. Ներսեսյանցի (1938–2005) կողմից: Ներկայացվում է այդ տեսության ձևավորման պատմությունը խորհրդային և հետխորհրդային ժամանակաշրջաններում, երբ հեղինակն, իր վիթխարի պատմական կյանքի վրա հիմնվելով, վերլուծեց իրավունքի և օրենքի տարբերակման գաղափարը և առաջ քաշեց իրավունքը որպես անհատների ազատության հավասար չափի ընկալում: Վերջինս հետագայում զարգացվեց՝ դառնալով ազատական-իրավաբանական տեսություն:

Այս տեսության հիմքում ընկած է իրավունքի հասկացումը որպես երևույթ, որի էությունը կազմում է ձևական հավասարության սկզբունքը՝ ներկայացնելով հավասար չափի, ազատության և արդարության երրորդությունը:

Հոդվածի նպատակն է ցուցադրել այս մոտեցման տեսական նորարարությունը, արդիականությունը և գործնական նշանակությունն իրավունքի հասկացման համար: Այդ տեսանկյունից հոդվածում բացահայտվում են ազատական-իրավաբանական իրավունքի ըմբռնման ձևավորման փուլերը խորհրդային և հետխորհրդային շրջանում, ներկայացվում է դրա ներդրումն իրավափոխության մտքի զարգացման գործում, և ցուցադրվում է դրա կիրառելիությունը կոնկրետ օրինակներով՝ օրենսդրության իրավական որակի գնահատման մեջ:

Հեղինակը նպատակ է դրել ցույց տալու Վ. Ս. Ներսեսյանցի ազատական-իրավաբանական տեսության տարբերությունը պոզիտիվիստական և բնական իրավունքի տեսությունների շրջանակներում մշակված մոտեցումներից, բացահայտելու դրա նշանակությունն իրավաբանական դոգմատիկայի զարգացման համար և ցույց տալու դրա կիրառման հնարավորությունը օրենսդրության իրավական որակի գնահատման գործում: Նշված խնդիրները լուծելու համար կիրառվել են պատմաիրավական և իրավաբանական-դոգմատիկ վերլուծության մեթոդներ:

Վերլուծության արդյունքում արվել է եզրակացություն՝ ազատական-իրավաբանական դոկտրինի և իրավունքի դոգմայի վերաբերյալ ուսումնական դասընթացի մշակման նպատակահարմարության մասին, որի ներառումը կրթական գործընթացում կնպաստի ապագա իրավաբանների կողմից իրավափոխության վերլուծության մակարդակի և իրավական պրակտիկայի արդիական խնդիրների լուծման ներքին փոխկապակցության ավելի լիարժեք ըմբռնմանը:

Հիմնաբառեր՝ Վ. Ս. Ներսեսյանց, ազատական-իրավաբանական տեսություն, իրավահասկացման տիպ, իրավափոխության միտք, իրավաբանական դոգմատիկա, իրավական օրենք, ձևական հավասարության սկզբունք:

LIBERTARIAN LEGAL THEORY OF VLADIK NERSESYANTS AND ITS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF LEGAL THEORY AND PRACTICE

VALENTINA LAPAEVA

*Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law,
Doctor of Law, Chief Researcher;
Journal «Scientific Artsakh», Editorial Board Member,
Moscow, Russian Federation*

The article is devoted to the analysis of one of the modern Russian philosophical and legal thought directions, which is represented by the libertarian-law theory developed by the famous Soviet and Russian jurist, academician of the Russian Academy of Sciences V.S. Nersesyants (1938–2005). The approach he proposed is based on the interpretation of law as a phenomenon, the essence of which is the principle of formal equality, which is the trinity of equal measure, freedom and justice.

The purpose of the article is to demonstrate the theoretical novelty, relevance and practical significance of this approach to understanding of law. From this angle, the article covers the stages of formation of the libertarian-law approach in the Soviet and post-Soviet periods of Russian history, reveals its contribution to the development of philosophical and law thought and demonstrates using specific examples the possibility of applying this approach to assessing the law quality of legislation.

To solve the problems stated, the author used historical and dogmatic methods of legal analysis.

Based on the results of the analysis, a conclusion was made on the advisability of developing a course on libertarian legal doctrine and dogma of law, the introduction of which into the educational process would contribute to a more complete understanding by future lawyers of the internal relationship between the philosophical and legal level of analysis and the solution of current problems of legal practice.

Keywords: *V.S. Nersesyants, libertarian-law theory, type of law understanding, philosophical and law thought, legal dogmatics, legal law, principle of formal equality.*